

Оригинальная статья

УДК 32.019.51

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-2-123-135>

Новые глобальные конфликты: факторы медиатизации и персонализации

Александра Вениаминовна Щербина¹✉, Анна Михайловна Огороднова²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>

²annaogorodnova@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9993-0461>

Введение. Актуальность исследования медиатизации публичной сферы и противоречий персонализации в ней определяется их воздействием на социальные конфликты.

Методология и источники. Использованы официальные источники, данные информ-агентств и СМИ, аналитические материалы ИМЭМО РАН, РИСИ, РСМД, зарубежных интернет-изданий. Применены контент- и дискурс-анализ медийной повестки. Учтены академические исследования медиатизации социальных конфликтов. Привлечен аналитический потенциал концептов «новые войны» и «глубокая медиатизация». Используются сравнительно-исторический подход и категориальный анализ.

Результаты и обсуждение. Изменение условий конфликтов в XXI в. рассматривается как симптом затухания исторических волн социальной эволюции последних 400 лет. Выделяются характеристики новейших глобальных конфликтов: влияние на мировую энергетику, финансы, экологию; попытки участников конфликтов установить контроль и ввести режимы допуска в сферах всеобщих условий (мировой океан, космос); недоговороспособность сторон конфликта; отсутствие стратегий разрешения старых региональных конфликтов и окончания новых войн. Прослеживается на исторических примерах медиатизация конфликта и обосновывается вывод: государственная монополия политико-идеологического контроля СМИ оспаривается олигополией цифровых платформ. Общественное доверие как опора легальности властей фундаментально нарушается. Понятие победы в конфликтах размыто, приоритет в медиа смещается на личность победителя. Предложен концепт современной медиатизации: «система глобальной личной коммуникации». Персонализация в системе рассматривается как ключевой механизм анализа и контроля социального субъекта. Раскрывается противоречие персонализации: традиционная личная или групповая идентификация, основанная на узнавании и признании, теперь существует независимо от самого человека в автономном и анонимном знаково-превращенном пространстве. В политическом и корпоративном лидерстве это противоречие выражается в том, что медийное публичное действие требует от лидера успешной идентификации, т. е. доверия граждан, которое начинает перепоручаться платформенным алгоритмам сетевой коммуникации.

Заключение. Намечены направления обновления конфликтологии, продиктованные медийной логикой предъявления образа победы, т. е. нового глобального мироустройства.

Ключевые слова: глобальные конфликты, медиатизация, персонализация, СМИ, система глобальной личной коммуникации, личная идентификация, победа, доверие, лидер

Для цитирования: Щербина А. В., Огороднова А. М. Новые глобальные конфликты: факторы медиатизации и персонализации // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 4. С. 123–135. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-4-123-135

© Щербина А. В., Огороднова А. М., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

New Global Conflicts: Factors of Mediatization and Personalization

Alexandra V. Shcherbina¹✉, Anna M. Ogorodnova²

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹✉*ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

²*annaogorodnova@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9993-0461>*

Introduction. The relevance of the study of the mediatization of the public sphere and the contradictions of personalization in it is determined by their impact on social conflicts.

Methodology and sources. Official sources, data from news agencies and mass media, analytical materials from IMEMO RAS, RISI, RIAC, and foreign online publications were used. Content and discourse analysis of the media agenda are applied. Academic research on the mediatization of social conflicts has been taken into account. The analytical potential of the concepts “new wars” and “deep mediatization” is involved. A comparative historical approach and categorical analysis are used.

Results and discussion. The change in conflict conditions in the 21st century is seen as a symptom of the fading of the historical waves of social evolution over the past 400 years. The characteristics of the latest global conflicts are highlighted: the impact on global energy, finance, and the environment; attempts by participants in conflicts to establish control and introduce admission regimes in the areas of universal conditions (oceans, space); the inability of the parties to the conflict to reach agreements; the lack of strategies for resolving old regional conflicts and ending new wars. The mediatization of the conflict is traced on historical examples and the conclusion is substantiated: the state monopoly of political and ideological control of the media is challenged by the oligopoly of digital platforms. Public trust as a pillar of the legality of the authorities is fundamentally violated. The concept of victory in conflicts is blurred, the priority in the media is shifted to the personality of the winner. The concept of modern mediatization is proposed: “a system of global personal communication”. Personalization in the system is considered as a key mechanism for analyzing and controlling the social subject. The contradiction of personalization is revealed: traditional personal or group identification based on recognition and acknowledgment now exists independently of the person himself in an autonomous and anonymous sign-transformed space. In political and corporate leadership, this contradiction is expressed in the fact that media public action requires successful identification from the leader, i.e. the trust of citizens, which begins to be delegated to the platform algorithms of network communication.

Conclusion. The directions of updating conflictology are outlined, dictated by the media logic of presenting the image of victory, i.e. a new global world order.

Keywords: global conflicts, mediatization, personalization, mass media, global personal communication system, personal identification, victory, trust, leader

For citation: Shcherbina, A.V. and Ogorodnova, A.M. (2026), “New Global Conflicts: Factors of Mediatization and Personalization”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 4, pp. 123–135. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-4-123-135

Введение. Условия, движущие силы, идеологическое легендирование, уровни социальных конфликтов и масштабы их последствий с конца XX и в XXI вв. стремительно изменяются. Обновляется и конфликтология: ведутся дискуссии о ее предметном содержании, методологии, просветительских и управленческих притязаниях.

Конфликтология как исследовательская сфера и практикоориентированная дисциплина, адресованная управленцам и нацеленная на повышение квалификации менеджеров, главным образом – в сфере международных отношений, возникла и добилась признания в США в 70–80-е гг. XX в. Ее теоретико-методологические основы были заложены так называемой социологией конфликта, «конфликтологической парадигмой», оформившейся в социальных науках в результате критического переосмысления структурно-функционального подхода. Моделирование форм согласования расходящихся интересов, стилей поведения в конфликте, переговорных стратегий, практик медиации – все эти идеологически заряженные наработки оказались востребованы и продемонстрировали свою эффективность в регулировании международных конфликтов. Весьма показателен так называемый Гарвардский переговорный проект (1980 г.) – исследовательская и образовательная программа по разработке и реализации «принципиальных переговоров», нацеленных на наилучший для оппонентов исход конфликта: win-win [1].

Разрядка международной напряженности, мирное сосуществование различных социальных систем, деидеологизация, конвергенция – вот идейные лозунги пика (начала упадка и завершения) эпохи, точнее, исторического периода, смысловым ядром которого выступили две мировые войны, образование двухполюсного мира, расцвет социального государства, НТР, небывалое во всемирной истории повышение уровня жизни широких народных масс, экономическая интеграция СССР и Западной Европы («трубы в обмен на газ»).

В РФ конфликтология получила признание и распространение в 1990-е г. События, которые позже были осмыслены как «крупнейшая геополитическая катастрофа», воспринимались в неолиберальном духе как вхождение вчерашних оппонентов в единый глобальный цивилизованный мир, который теперь будет простираться «от Лиссабона до Владивостока». В социогуманитарной сфере сворачивание марксизма-ленинизма (в его трех составных частях) освободило место для новых исследовательских направлений и дисциплин, в том числе конфликтологии. Начал формироваться заимствованный подчиненный дискурс. Параллельно высказывались надежды на расцвет русской (религиозной, самобытной) философии и шире – социогуманитарной мысли, освободившейся от оков марксизма. Заявило о себе актуальное и поныне сознание необходимости обращения к прерванной национальной традиции.

Взрывной характер социально-политических и социально-экономических конфликтов на постсоветском пространстве (статусные, национально-этнические, межэтнические, передел собственности, поколенческие разрывы) создавал неотложную потребность в поиске способов манифестирования и регулирования конфликтов, их легитимного завершения. К чести отечественных первопроходцев (научных сотрудников лаборатории, а позднее кафедры конфликтологии в СПбГУ – А. Г. Здравомыслова, А. Н. Сухова, В. Н. Кудрявцева, А. В. Дмитриева, Н. В. Гришиной, А. Я. Анцупова и многих других) надо отметить, что создающаяся российская конфликтология не сводилась к пересказу достижений западных интеллектуалов, не уклонялась от острых тем, она несла в себе конструктивный и эвристический потенциал, ориентировалась на решение управленческих задач.

Признание конфликтологии и ее прикладного управленческого инструментария отвечало историческим условиям: гегемония ведущего государства, западной идеологии и социогуманитарных наук, институтов выборной демократии. Глобализация и миграция, неравномерность социально-экономического развития стран и регионов инициировали дис-

куссии о мультикультурализме, деколонизации, новых угнетенных, меньшинствах и т. п., но все же в пределах длящейся относительной стабильности, внутри которой инструментальное знание, предлагающее модели выхода из конфликта, технологии урегулирования и разрешения социальных конфликтов могли быть эффективны.

Изменения в условиях и природе социального конфликта, заявившие о себе в полной мере в XXI в., заставляют переосмыслить предмет и метод конфликтологии, усиливают ее социально-философскую составляющую. Особую актуальность приобретает анализ новых глобальных конфликтов и воздействующих на них факторов: медиатизации публичной сферы и персонализации в ней.

Методология и источники. Эмпирическую базу исследования составили официальные источники: заявления Президента, МИД РФ, данные информационных агентств и СМИ (ТАСС, РИА Новости, Интерфакс, Lenta.ru, RT, Reuters и др.), аналитические материалы ИМЭМО РАН, РИСИ, РСМД, зарубежных интернет-изданий (Foreign Affairs, The Economist). Применены контент- и дискурс-анализ медийной повестки. Использованы академические публикации отечественных и зарубежных авторов, исследующих медиатизацию социальных конфликтов на этапе платформенной коммуникации. Привлечен аналитический потенциал концептов «новых войн» и «глубокой медиатизации». Ключевые характеристики современных глобальных конфликтов выделены с применением сравнительно-исторического подхода и категориального анализа.

Результаты и обсуждение. Существенные изменения глобальных общественно-политических условий сегодня отмечаются всеми: политическими лидерами, экспертами, исследователями, и отражаются в социальных представлениях. Утрата общепризнанного авторитета международных институтов и их роли в предотвращении, прекращении и минимизации последствий от войн, финансовых, сырьевых, экологических, демографических, религиозных и иных масштабных конфликтов – симптом фундаментального затухания нескольких исторических волн социальной эволюции и ее завоеваний. Самая длинная из них, сформировавшая по завершении 30-летней войны XVII в. запрос на международное право, открыла Вестфальский мир; средняя, вызванная наполеоновскими войнами и возвышением Великобритании, создала колониальное мировое устройство; новейшая – по итогам ВМВ привела к возникновению неокOLONиализма, Бреттон-Вудской системы и на основе соглашений, заключенных в Ялте и Потсдаме, положила начало двухполюсному миру, возникновению ООН и сети общепризнанных международных организаций.

В 40–80-е гг. XX в. появились международные, национальные, местные институты конфликто разрешения и профилактики конфликтов, развивались нормы и стандарты оценки, анализа, контроля всего конфликтного поля. Расширилась практика уголовного и гражданского правоприменения и воздействия на участников конфликта для недопущения эскалации, снижения интенсивности и насильственности международных конфликтов, разрешения отдельных конфликтов. Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.) дала этому процессу сильный импульс.

Пришедший на смену двухполюсному однополюсный мир не оправдал надежд и не завершил историю, а многополюсный мир всеобщего сотрудничества не имеет в настоящее время консенсусного концептуального обоснования.

Показательна дискуссия В. Г. Барановского и В. Б. Кувалдина о новых глобальных конфликтах [2]. Признавая, что в представлениях о динамике существующего миропорядка преобладает идея движения от однополярного к многополярному мироустройству, ученые отмечают, что распад биполярной системы не означает автоматического триумфа многополярности. Мир, преодолевающий однополярность, становится более «многосубъектным». Формируется гибридное мироустройство, сочетающее элементы однополярности (США, «коллективный Запад»), биполярности (например, США – Китай) и многополярности с участием других великих и региональных держав, а также развивающихся стран. Наряду с конфликтами, связанными со сменой гегемона и модели миропорядка, и конфликтами из-за распределение глобальной власти, – полагают участники дискуссии, – имеет смысл выделять новые «предельные конфликты».

С начала XXI в. глобальные конфликты в социогуманитарном дискурсе все чаще называют «новыми войнами». Концепт «новых войн» на излете XX в. выдвинул М. ван Кревельд. В работе «Трансформация войны» он выделил тенденции, которые уже не описываются классическим пониманием войны как рационального продолжения политики государства: размывание границ между публичным и частным, военным и гражданским, регулярным и иррегулярным, переход от межгосударственных конфликтов к столкновениям, в которых участвуют и негосударственные акторы [3].

Активно обсуждается теория «гибридных войн» [4], сочетающих применение военно-политических, террористических и криминальных методов. Особая роль в гибридных войнах принадлежит информационно-коммуникативному противоборству, пронизывающему всю социальную ткань. Н. С. Лабуш развивает концепцию «информационной войны» как высшей формы обострения противоречий «информационного противоборства» [5]. А. А. Бартош определяет гибридную войну как новый вид межгосударственного конфликта, основанного на комплексном применении силовых и несиловых форм воздействия («когнитивных войн») [6]. В дискуссиях о войнах XXI в. прослеживается общий вывод: границы между состояниями войны и мира в настоящее время подвижны и размыты.

Утрата бесспорной гегемонии США, возвышение Китая, стремительная деградация институтов международного права ведут к радикальной перестройке основных военно-политических, торгово-экономических, научно-технологических межстрановых отношений, сложившихся за последние 70 лет. Дискредитация претендующих на универсальность идеологий, кризис национальных государств – все это сигнализирует о том, что мы имеем дело не с борьбой за будущее, а, скорее, с различными сценариями этого будущего, в том числе самого человека, моральная природа которого запечатлена в духовно-нравственных образцах мировых религий.

Новейшие конфликты (Украинский, Иранский) имеют глобальную по повестке, средствам и целям сущность. Их глобальный характер проявляется во влиянии на базовые условия: мировую энергетику, логистику, финансы, экологию. Наглядный пример – изменение рынка евроазиатских авиасообщений. Россия, приняв ответные меры на враждебные действия коллективного Запада, лишила европейских и американских авиаперевозчиков возможности использовать российское небо, оставив такое право для Китая. Основные потоки переместились в каспийский коридор над Азербайджаном, но сегодняшний ближневосточный конфликт несет дополнительные угрозы остановки евроазиатского авиасообщения.

Характерной особенностью эпохи новых глобальных конфликтов становится попытка приватизации того, что по нормам международного права принадлежит всем и никому конкретно. Введение на определенных участках мирового океана странами – сторонами конфликта режимов контроля и принудительного регулирования условий судоходства запускает своего рода неуправляемую реакцию, начало которой задают события в Ормузском проливе. США все чаще заявляют о намерении введения мер контроля в основных мировых проливах и каналах (Панамский, Ормузский, Малаккский, Босфор, Сингапурский). Юридически свободу судоходства никто не отменяет, но фактически конфликтующие стороны оставляют свободу для своих союзников и партнеров и предлагают разовые «коды допуска» для всех остальных, более того, на коммерческой основе. Данные действия в случае введения подобных ограничений в ЮВА отбросят международное морское право на века назад. Одновременно с этим распространяется морское пиратство. Континентальная логистика (Россия – Иран – Индия – Китай) выступает естественным противовесом этих процессов, но заменить морскую в настоящее время не способна в силу финансовых и политических причин. На очереди – конфликты за раздел океанического дна (резерва основных запасов полезных ископаемых), стратосферы и ближнего космоса.

Новые глобальные конфликты не устраняют предыдущие региональные конфликты, так называемые дуги напряженности. Причины и условия последних не исчезли. С конца 1990-х гг. участие в региональных конфликтах европейских стран, Японии, Южной Кореи, Канады и Австралии придавало всем этим войнам (Югославия и Ирак, Афганистан и Ливия) ореол справедливой борьбы за демократию, но, не решая заявленных задач, формировало новые очаги напряженности. Сегодня происходит наложение двух тенденций: старые конфликты из XX в. увязываются с новейшими, создавая непреодолимую вязкую сеть военно-политического, финансового, энергетического и продовольственного хаоса.

В новый ближневосточный конфликт втягиваются не только страны залива, но и Ирак, Сирия, Иордания, Йемен, а его последствия затрагивают Китай, страны ЮВА, Европу и Африканские страны. Под давлением находятся не только институты ООН, фактически не способные влиять на ход событий, но и такие организации, как НАТО, ЕЭС, Лига арабских государств. Специфической особенностью медиатизации ближневосточного конфликта, который может перерасти в глобальную войну, является недоговороспособность его ключевых участников – США и Израиля, с одной стороны, и Ирана – с другой.

В условиях нарастающей хаотизации международных отношений результаты всех современных гибридных по статусу участников войн (Россия, КНР и США не сталкиваются напрямую) всегда оказываются промежуточными, требуя продолжения конфликтов любой ценой для удержания полученных ранее преимуществ. Начинаясь с «молниеносных победных» сражений, они расширяются и интенсифицируются, превращаясь в «вечные войны» («forever wars», по определению аналитика Л. Фридмана [7]), демонстрируют отсутствие национальных и союзных стратегий разрешения старых конфликтов и окончания новых войн.

Понятие победы в новых глобальных конфликтах размыто, а приоритет в медиа смещается с концепта победы на личность победителя. Это предъявляет возрастающие требования к медийному облику политических лидеров как гарантов будущего мира.

Согласно мнению большинства аналитиков, ключевым фактором, меняющим природу современного конфликта, выступает медиатизация всех сфер общественной жизни, всего

конфликтного поля [8; 9]. Под медиатизацией будем понимать информационно-коммуникативное опосредование социального взаимодействия, опирающееся на традиционные СМИ и цифровые платформы. Медиатизацию плодотворно рассматривать в историческом процессе, наряду с глобализацией, коммерциализацией и индивидуализацией [10]. Волны научно-технического и так называемого социального прогресса последних 400 лет, перемещавшие столичность от Генуи и Венеции к Брюгге и Амстердаму, далее к Лондону и Нью-Йорку, стали этапами создания и распространения торговых, финансовых, транспортных и информационных (связь и общение) сетей, которым соответствовала медиатизация с ее ядром – СМИ (точнее – средствами массового *информирования*). На современном этапе наступила эпоха «глубокой медиатизации» (А. Хепп). Персональные устройства мобильной связи, инфраструктура спутникового Интернета, алгоритмы машинного обучения для модерации и распространения контента, технологии дипфейков и генеративного ИИ – все это образует «медиамаifold» (media manifold), благодаря которому цифровые медиа являются одновременно средствами информации, коммуникации и средствами генерации данных [11].

В рамках институционального подхода медиатизацию осмысляют как двусторонний процесс: медиа становятся самостоятельным институтом, который меняет функционирование государств, корпораций – всех социальных институтов, заставляя их следовать «логике медиа», соответствовать требованиям скорости, визуальности, персонализации [12]. Медиатизация теперь не сводится к воздействию информационных кампаний, медиа проникают в повседневные практики людей, опосредуя акты внимания, игнорирования, обдумывания, обсуждения [13]. Именно при переходе от массмедийной к цифровой стадии медиатизации глобальные конфликты превращаются в «диффузные войны» [14].

В массмедийную эпоху смыслы ключевым событиям придавались главным образом государственным механизмом. Приведем два показательных примера участия СМИ в конфликтах 80-х. Фолклендский конфликт Аргентины и Англии 1982 г. длился почти полгода. Характерной чертой его медийного освещения явился полный государственный контроль над аргентинскими СМИ (газетами и журналами), продвигающими победную повестку для внутренней аудитории на фоне уже состоявшегося (в течении месяца) поражения аргентинского флота. После слома картинки фэйкньюс в Аргентине наступил шок, и по стране прокатились массовые протесты. Заметим, что сегодня, опираясь на тенденцию ослабления участия США в делах НАТО, руководство Аргентины публично поднимает вопрос о возврате Фолклендских островов, мотивируя это тем, что Англия смогла добиться победы только опираясь на военно-морские базы США.

Второй пример – это Ирано-Иракская война 1980–1988 гг., повлекшая более миллиона жертв с обеих сторон. Иран постоянно пребывал в оперативно-тактических поражениях, так как на стороне Ирака были и США, и СССР. В течение 5 лет и более режим был вынужден создавать и развивать мобилизационную повестку, апеллируя к образцам религиозного мученичества для компенсации нехватки живой силы в пехоте и артиллерии. Однако, в отличие от руководства Ирака, режим аятолл извлек уроки в части формирования медийного образа победы на основе своей долгосрочной идейной программы.

Более ранними примерами контроля над идейными нарративами и медийного «успеха» считают пропагандистскую работу в Германии, уже близкой к капитуляции, и медийную си-

туацию в Японии в 1944–1945 гг., на фоне уже произошедшего в это время стратегического поражения японского императорского флота.

Во всех этих случаях видна важная роль СМИ, но она является традиционно подчиненной, функциональной. С 1920-х и до конца 1980-х гг. все государственные СМИ (газеты, журналы, радио, ТВ и др.), отрабатывали формат пропагандистского кокона, позволявшего управлять вниманием, настроением и уверенностью в правоте своего дела в первую очередь для внутренней аудитории. Перелом наступает в начале 1990-х в ходе событий Иракско-Кувейтского конфликта, а затем при распаде Югославии, где впервые с окончания ВМВ ведущие европейские страны активно включились не столько как представители ООН, но как сторона конфликта, поддерживающая Хорватию и Косово. Там впервые были отработаны технологии массовых фейкньюс с введением в заблуждение мировой общественности (фоторепортажи из Сребреницы и др.). С самого начала и в продолжение всего сербско-хорватского конфликта роль жертвы и борца за справедливость медийно закреплялась только за одной стороной, не сербской, вплоть до тюремного ареста и судебного разбирательства в Гааге многих руководителей бывшей Югославии. Позднее европейские страны признали демонстрируемую с трибуны ООН пробирку с порошком убедительным доказательством наличия у Ирака химического оружия. Тогда ООН еще была нужна для международного оправдания захвата Ирака.

После событий сентября 2001 г. и вторжения в Афганистан, а затем революций «арабской весны» при президенте Обаме цифровые медиа начинают активно участвовать в новых конфликтах как бизнес-стратегиях, реализуемых национальными государствами и корпорациями (ВПК, инвестиционные и IT-компании).

В условиях растущей социально-политической непредсказуемости и хаотизации основных сфер жизни общества медиа настолько вписаны в тело и мозговую ткань конфликта, что роль традиционного честного репортажа сегодня под вопросом. Различные, вплоть до противоположных, представления и трактовки событий предлагаются одновременно с событиями. В медиатизированных конфликтах контроль над визуальной репрезентацией и нарративом стратегически не менее значим, чем контроль над территорией [15]. Медиа как инструменты государств и глобальных ТНК стали сердцевиной противостояния: они не просто отражают конфликты, но активно инсценируют и исполняют их, непосредственно участвуя в «игре на повышение и понижение», анонсируя в течении месяца десятки побед одной стороны и «полных поражений» – другой.

Реальная расстановка сил в конфликте приобретает необъяснимый характер. Общественное доверие как опора политической, экономической и военной легальности властей фундаментально нарушается.

Социальная значимость и влияние процессов медиатизации на общественную жизнь во многом укоренены в культурных особенностях, научно-техническом фундаменте и типе социально-политического устройства стран, в которых они протекают. Можно различить генерирующую тенденцию в подаче событий в СМИ в странах с условно названными авторитарными режимами и множественность в подаче оценок и смыслов в странах так называемой буржуазной демократии. В условиях новых глобальных конфликтов эти различия в медийном продвижении государствами своего образа будущей победы и своих прав на отстаивание справедливого характера ее достижения будут усиливаться. И необходимость введения ограничений (см., например, принятые рестрикции, в том числе со стороны интернет-платформ, в

мониторинге МИД РФ «Репрессии в отношении российских СМИ и журналистов за рубежом» [16]) будет обосновываться по-разному, но ограничения будут вводиться (и уже вводятся сообразно техническим возможностям) повсеместно. При том, что новые глобальные медиа (спутниковое телевидение, блогосфера, сети мобильной связи) разрушают информационные монополии государств и формируют аудитории поверх национальных границ. Государственная монополия политико-идеологического контроля СМИ оспаривается олигополией цифровых платформ.

В XXI в. цифровая платформенная инфраструктура определяет развитие медиасистем национального и наднационального уровней, обеспечивая расширенное воспроизводство субъектов повестки и множественных нарративов, одновременно фрагментируя аудитории посредством персонализации. Впервые в истории личность может вовлекаться в глобальные конфликты как зритель, комментатор, ретранслятор, потенциальный участник, как объект информационного воздействия и как самостоятельный «маленький медиа» [17] – автор повестки. Социальные сети, гражданская журналистика, блогинг и инфлюенсинг – яркие проявления новой включенности личности.

«Человек медийный» принужден жить не *с* медиа, а *в* медиа: реальность стала open-source, идентичность отныне «всегда в процессе строительства», а приватная жизнь – навсегда публична [18].

Медиасфера становится глобальным инструментом анализа и контроля (управления и власти), и представляя, и вписывая в себя многоуровневого социального субъекта: транснационального, национального, корпоративного, личного. В цифровую эпоху любой запрос субъекта на информацию и любое медийное действие субъекта совпадают с получением системой информации о субъекте (направленность внимания, потребности, предпочтения, привычки, образ жизни). Все становятся предметом алгоритмического наблюдения, анализа и управления. Таким образом, непрерывно воспроизводится *система глобальной личной коммуникации*. В ней противоречие персонального уровня описывается категориями авторизации, идентификации, автономности и анонимности.

На персональном уровне «то, что происходит» или «реальность происходящего» всегда есть отпечаток восприятия информационного потока, наложенный на матрицу человеческой психики (рассудка). В традиционном обществе, в том числе в становящемся глобальным мире XVII–XIX вв., привычки и образ жизни предзаданы и укоренены в традициях, сословных обычаях, правовых установлениях, помноженных на конкретный тип личной включенности индивида в «свой мир» сообразно возрасту, полу, культурным особенностям, социальному статусу. Такой уклад определяет мотивы, интересы и возможности личных обязательств и информационные потребности, адекватные им. Именно так образуется субъективная реальность, позволяющая нам приспосабливаться к социальной среде, ее изменениям, не «выпадать» из коридоров разделения труда и положения в обществе. Нарушение именно этих регламентов (во всех видах нашей включенности) приводило к персональным или сословно-классовым конфликтам, а вся институциональная система и инструменты социального контроля были направлены на урегулирование таких событий.

На смену предустановленным государственным регламентам, ценностно-нормативным порядкам, морально-нравственным кодексам поведения мировых религий приходит пере-
доверие именно этих сфер цифровым платформам.

Теперь вся система личной или групповой идентификации, которая эволюционно закреплялась в камне, металле, бумаге, ткани (печать, клеймо, подпись, штамп, герб, костюм и т. п.), фиксировалась в документации личного, корпоративного, государственного учета прав и обязанностей (от королевского эдикта до векселя, от ж/д билета до пропуска) и была обеспечена доверием за счет личного узнавания, стала существовать параллельно и независимо от самого человека в автономном и анонимном знаково-превращенном пространстве. Субъекту для включения в него и признания в нем требуется код допуска. С одной стороны – процедура авторизации, с другой – удостоверяющая идентификация. Социальная технология распределенного взаимного доверия становится цифровой технологией. Это заменяет и отменяет традиционную личную идентификацию – узнавание, признание, и создает анонимное доверие (своего рода «предустановленную гармонию»). Вне цифрового пространства личность как социальный субъект бесправна, но выход из него не снимает с нее обязательств.

Сегодня любая глобальная компания (государство и корпорации) не может не быть медиакомпанией с постоянным предъявлением своей аудитории миссии решения актуальных проблем настоящего и сценария будущего. Корпоративный бренд сменился личным брендом визионера во главе страны или корпорации. Однако акции таких лидеров могут не только расти, но и катастрофически падать, в лучшем случае расти только в границах своей аудитории, для которой требуется постоянно обновлять образ победителя.

В роли лидера как личного символа и бренда проявляется фундаментальное противоречие персонального уровня. Его политическая карьера (государственная или корпоративная) есть его публичная авторизация, но каждое публичное действие такого лица всегда медийно (явно или скрыто) и требует успешной идентификации, т. е. доверия и поддержки граждан или акционеров (кодов допуска). Однако доверие уже поручено автономным алгоритмам цифровых платформ сетевой коммуникации. При этом прочность и автономность системы не застрахована от проникновения элементов системного сбоя.

Заключение. Образ окончательной победы в новых глобальных конфликтах («вечных войнах») и по смыслу, и на уровне повестки сегодня никто предъявить не может, так как за ним должна стоять картина будущего с новыми условиями, возможностями и ролями в глобальном мире для всех. Очевидно только, что в таких конфликтах будут проигравшие страны и компании-участники, которые утратят имеющиеся преимущества (экономические, технологические, научные). Риски и угрозы в новых глобальных конфликтах столь велики, что проиграть могут все...

В период послевоенной устойчивости XX в. конфликтология, ориентируясь на общепризнанные инструменты правового регулирования, рассматривала конфликт как форму движения сущностных общественных противоречий и способ их разрешения. В изменившихся условиях конфликтология связывает регулирование конфликтов не только (и не столько) с перспективой развития, сколько с управлением рисками (см. исследования рискменеджмента конфликтологами из СПбГУ [19]), с поиском компромисса: того, от чего стороны, вовлеченные в конфликт, готовы отказаться, чтобы не допустить уничтожения человечества.

Процессы медиатизации и персонализации воспроизводят систему глобальной личной коммуникации, внутренние противоречия которой меняют характеристики социального

конфликта. Соответственно, углубляется междисциплинарность конфликтологии. Наметившаяся тенденция включения эсхатологических мотивов в традиционный геополитический контур объяснения глобальных конфликтов позволяет предполагать, что для обновления конфликтологии возрастает значение ее философско-концептуального обоснования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фишер Р., Юри У., Паттон Б. Переговоры без поражения. Гарвардский метод / пер. с англ. Т. Новиковой. 9-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020.
2. Барановский В. Г., Кувалдин В. Б. Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? // Полис. Политические исслед. 2023. Т. 32, № 6. С. 8–20. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.02>
3. Ван Кревельд М. Трансформация войны / пер. с англ. Ю. В. Кузнецова. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
4. Кокошин А. А. Феномен «гибридной войны» в силовой составляющей современной мировой политики // Вестн. РАН. 2018. Т. 88, № 11. С. 971–978. DOI: 10.31857/S086958730002329-9
5. Лабуш Н. С. Информационная война как порождение нового времени и современных массмедиа технологий. Часть II. Контур информационной войны современности // Медиаскоп. 2015. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1739> (дата обращения: 03.05.2026).
6. Бартош А. А. Вопросы теории гибридной войны. М.: Горячая линия – Телеком, 2022.
7. Freedman L. D. The Age of Forever Wars: Why Military Strategy No Longer Delivers Victory // Foreign Affairs. 14.04.2025. URL: <https://www.foreignaffairs.com/age-forever-wars> (дата обращения: 03.05.2026).
8. Vartanova E. L., Dunas D. V. Media conflictology as a field of research: working out theoretical approaches // Вестн. РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28, № 4. С. 724–733. DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-724-733
9. Бронников И. А., Пономарев Е. М. Медиатизированные конфликты: история вопроса и логика развития // Полилог. 2025. Т. 9, № 1: 6. DOI: 10.18254/S258770110035005-7
10. Krotz F. Mediatization: A Concept With Which to Grasp Media and Societal Change // Mediatization: Concept, Changes, Consequences / ed. by K. Lundby. NY: Peter Lang, 2009. P. 21–40.
11. Hepp A. Deep Mediatization. London; NY: Routledge, 2020.
12. Hjarvard S. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review. 2008. Vol. 29, № 2. P. 105–134.
13. Couldry N. Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice. Cambridge: Polity Press, 2012.
14. Hoskins A., O'Loughlin B. War and Media: The Emergence of Diffused War. Cambridge: Polity Press, 2010.
15. Cottle S. Mediatized Conflict: Developments in Media and Conflict Studies. Maidenhead: Open Univ. Press, 2006.
16. Репрессии в отношении российских СМИ и журналистов за рубежом. 2024 // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/journalist_help/repressions/ (дата обращения: 03.05.2026).
17. Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019.
18. Deuze M. Media Life. Cambridge: Polity Press, 2012.
19. Алейников А. В., Сунами А. Н., Мальцева Д. А. Политический рискменеджмент в условиях глобальной турбулентности: конфликтологические экспликации // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Философия и конфликтология. 2025. Т. 41, вып. 3. С. 415–429.

Информация об авторах

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт.

Огороднова Анна Михайловна – старший преподаватель кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая коммуникация, политические технологии как фактор развития общества в современной России, управление конфликтами.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 19.02.2026; принята после рецензирования 22.05.2026; опубликована онлайн 22.09.2026.

REFERENCES

1. Fisher, R., Ury, W. and Patton, B. (2020), *Getting to yes: negotiating agreement without giving in*, Transl. by Novikova, T., 9th ed., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.
2. Baranovsky, V.G. and Kuvaldin, V.B. (2023), "Global conflict: an attribute of a changing world order or an outdated tool for its transformation?", *Polis. Political Studies*, vol. 32, no. 6, pp. 8–20. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.02>
3. Van Creveld, M. (2005), *The Transformation of War*, Transl. by Kuznetsov, Yu.V., Al'pina Biznes Buks, Moscow, RUS.
4. Kokoshin, A.A. (2018), "The phenomenon of "hybrid war" in the power component of modern world politics", *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, vol. 88, no. 11, pp. 971–978. DOI: 10.31857/S086958730002329-9
5. Labush, N.S. (2015), "Information War as a Product of Modern Times and Modern Media Technologies Part II. Contours of the Information War in Today's World", *Mediascope*, iss. 2, available at: <http://www.mediascope.ru/node/1739> (accessed 03.05.2026).
6. Bartosh, A.A. (2022), *Voprosy teorii gibridnoi voyny* [Issues of the theory of hybrid war], Goriachaia liniia – Telekom, Moscow, RUS.
7. Freedman, L.D. (2025), "The age of forever wars: why military strategy no longer delivers victory", *Foreign Affairs*, 14.04.2025, available at: <https://www.foreignaffairs.com/age-forever-wars> (accessed 03.05.2026).
8. Vartanova, E.L. and Dunas, D.V. (2023), "Media conflictology as a field of research: Working out theoretical approaches", *RUDN J. of Studies in Literature and Journalism*, vol. 28, no. 4, pp. 724–733. DOI: <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-724-733>
9. Bronnikov, I.A. and Ponomarev, E.M. (2025), "Mediatized conflicts: the history of the issue and the logic of development", *Polylogos*, vol. 9, no 1: 6. DOI: 10.18254/S258770110035005-7
10. Krotz, F. (2009), "Mediatization: a concept with which to grasp media and societal change", *Mediatization: concept, changes, consequences*, Lundby, K. (ed.), Peter Lang, NY, USA, pp. 21–40.
11. Hepp, A. (2020), *Deep mediatization*, Routledge, London, NY, USA.
12. Hjarvard, S. (2008), "The mediatization of society: a theory of the media as agents of social and cultural change", *Nordicom Review*, vol. 29, no. 2, pp. 105–134.
13. Couldry, N. (2012), *Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice*, Polity Press, Cambridge, UK.

14. Hoskins, A. and O'Loughlin, B. (2010), *War and media: the emergence of diffused war*, Polity Press, Cambridge, UK.
15. Cottle, S. (2006), *Mediatized conflict: developments in media and conflict studies*, Open Univ. Press, Maidenhead, UK.
16. "Repression against Russian media and journalists abroad" (2024), *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, available at: https://www.mid.ru/ru/press_service/journalist_help/repressions/ (accessed 03.05.2026).
17. Vartanova, E.L. (2019), *Teoriia media: otechestvennyi diskurs* [Media theory: domestic discourse], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, RUS.
18. Deuze, M. (2012), *Media life*, Polity Press, Cambridge, UK.
19. Aleinikov, A.V., Sunami, A.N. and Maltseva, D.A. (2025), "Political risk management in times of global turbulence: Conflict studies explications", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 41, no. 3, pp. 415–429.

Information about the authors

Alexandra V. Shcherbina – Can. Sci. (Philosophy, 1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov st., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict.

Anna M. Ogorodnova – Senior Lecturer at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov st., St Petersburg 197022, Russia. The author of 15 scientific publications. Area of expertise: political communication, political technologies as a factor in the development of society in modern Russia, conflict management.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 19.02.2026; adopted after review 22.05.2026; published online 22.09.2026.*